

БОГ МЕНЯ НЕ ОСТАВЛЯЕТ

Вия Артмане приехала в Москву всего лишь на два дня. Ее время было расписано буквально по минутам—встречи, переговоры, участие в творческих мероприятиях. Такой приезд — всегда событие, даже если он и не связан с показом новых актерских работ. Да, мы стали иностранцами, но мы по-прежнему нужны друг другу. Ведь как бы ни стремились четко поделить нашу культуру на русскую и латышскую, грузинскую и татарскую, по большому счету она едина. Что происходит сейчас в латышском театре, сохранил ли он свои богатые творческие связи с Россией, как живет одна из его лучших актрис! Об этом и был наш разговор.

— Вия Фрицевна, чем вызван ваш нынешний приезд в Москву?

— Исключительно чувством глубокой симпатии, уважением к московской публике, желанием поддержать театральную общественность столицы. У меня с Москвой давние и очень тесные контакты со времени моего первого творческого приезда в 1956 году. Я тогда играла Джульетту и, наверное, москвичам понравилась. В общем, возникла любовь с первого взгляда.

— Но, видимо, был и какой-то конкретный повод!

— Да, меня пригласили участвовать в вечере, посвященном открытию 57-го сезона

Центрального дома актера.

— Вия Фрицевна, очень интересно, о чем говорят сегодня люди искусства! Что находится в центре их интересов — политика или все-таки собственные творческие проблемы!

— Я ощутила, что творческие люди очень сильно политизированы. Честно говоря, мало было профессиональных разговоров, и творческими планами почти никто не делился. Больше обсуждали политическую ситуацию — в России, Грузии. Может быть, это и естественно, ведь живой информации стало гораздо меньше. Мы существуем сами по себе. Хотя Лия Ахеджакова очень хорошо сказала: «Не надо винить политику, что это она нас разлучила и поэтому мы не можем встретиться». Конечно, нет. Все зависит только от нас самих.

— Имеете ли вы возможность следить за тем, что происходит в русском театре? Интересно ли вам это?

— Безусловно, интересно. Я стараюсь не пропустить ни одной телепередачи о русском театре, хватаю за любую информацию—газетную, устную. Да к тому же к нам по-прежнему приезжают театры из России. Не так давно в Риге побывал театр Виктюка, и я, наконец-то, посмотрела его знаменитую «М. Баттерфляй». Это совершенно непохоже на тот тип театра, который сложился в моем понимании. Мне, правда, показалось, что ничего принципиально нового здесь нет, все это уже было когда-то. Можно только позавидовать

тому, как пластически развиты, раскрепощены актеры, как они виртуозно работают. И публики было очень много, спектакли встречали огромный интерес. Это ведь тоже информация. Так что я кое-что знаю. Жаль только, что в этот приезд в Москву не удалось ничего посмотреть.

— Не ощущаете ли вы сейчас, да и весь латышский театр, какой-то замкнутости, отъединенности от некогда общих культурных процессов? Или это пошло на пользу театру Латвии!

— Я не думаю, что в этом есть какой-то положительный смысл. Лично я, например, эту замкнутость ощущаю. Не берусь судить о всей Прибалтике, но в Латвии, мне кажется, мы сами виноваты, что так замкнулись. Правда, эта мода уже проходит, и мы начинаем понимать, что разъединенностью нельзя спастись. Но пока еще не возродились традиции общения, их надо создавать заново, возобновлять оборванные связи. И они обязательно будут, хотя, конечно, это зависит от обеих сторон.

— Мы теперь гораздо меньше знаем о тех процессах, которые происходят в латышском театре. Чем он живет, к чему стремится!

— Наш театр сейчас в поисках, в метаниях. Главная проблема в том, что нет какой-то цельной программы, перспективы, единой направленности. Да, мы хотим возродить латышский театр в латышском обществе. А между тем купаемся в «инострании», как сказал

один критик. Даже в репертуаре Национального театра имени А. Упита нет ни одной латышской пьесы, нет их и в нашем Художественном театре имени Я. Райниса. Что же это за национальный театр, построенный только на западной драматургии?

Но это вина не только театров, потому что нет и современной национальной драматургии. Недавно одна писательница сказала: «Я пока с этой эпохой не подружилась». Это не значит, что молодые авторы ее не признают, но нужно время, чтобы пропустить все через себя, «подружиться» с новой жизнью. Мы еще не до конца сориентировались в самых разных проблемах.

— То есть в латышском театре пока преобладает ориентация только на западную драматургию!

— Даже не столько на драматургию в целом, сколько на какие-то конкретные, отдельные пьесы, которые интересуют того или иного режиссера.

Причем чаще всего берутся пьесы водеvilные, развлекательные, чтобы привлечь как можно больше публики. А актер отходит как бы на второй план. Я-то считаю как раз наоборот, что спектакли надо ставить на актера. Нельзя брать пьесу, когда не знаешь, кто и как у тебя будет в ней играть. Мне непонятно объявление актерских конкурсов на роль. У нас в Латвии столько «звезд», которые подолгу не работают, не получают ролей. Это очень несправедливо и по отношению к ним, и по отношению к ис-

кусству вообще. Иногда мне кажется, что сегодня театр не исполняет своего долга.

— Вы как-то сказали, что в советский период театр заменял церковь. В чем же, по-вашему, состоит его долг сегодня!

— Мне кажется, театр должен быть тем местом, где пробуждаются эмоции и мысли. Он призван успокаивать человека, давать ему надежду, веру в то, что он не одинок.

— Какова нынешняя судьба русского театра в Латвии!

— Театр существует и будет существовать. У него есть свой зритель, постоянный и добροжелательный. Русский театр у нас полюбился, и примерно треть зрителей составляют латыши. Зачастую там играют и

известные латышские актеры. В свое время там работал Ю. Стренга. А совсем недавно актриса нашего Художественного театра Мирдза Мартинсоне была приглашена на роль Натальи Петровны в спектакле «Месяц в деревне» И. С. Тургенева. Так что мы таким образом общаемся. И я совсем не исключаю возможности, что когда-нибудь там сыграю. Хотя, конечно, проблем в русском театре тоже хватает, не все так безоблачно.

— А что происходит сейчас в вашей творческой жизни!

— Не так давно у меня был очень тяжелый период. Но Бог меня не оставляет. Я иногда просто чувствую, как он своей крепкой, даже жесткой, но до-вольно ласковой рукой мной

руководит. И я опять начинаю все заново. Проходит период «ревниции», как я это называю, и наступает возрождение. Сейчас я опять встретилась с людьми, которые озабочены моей творческой судьбой, тем, что я очень мало играю. Я ведь никогда не предъявляла никаких претензий и всю жизнь играла то, что мне предлагали. А оказывается, что так нельзя.

— Если это не секрет, расскажите немного подробнее о ваших будущих работах.

— Я получила предложение восстановить одну из самых любимых моих ролей — Елизавету Английскую. Но теперь это будет моноспектакль. Это я сделаю за месяц. А еще начинаю готовиться к спектаклю по мотивам романа Ш. де Лакло «Опасные связи», где буду играть на русском языке. Спектакль будет идти в одном из новых маленьких рижских театров, премьера намечена на март.

— Это будет работа по контракту!

— Да. Но я и в своем родном Художественном театре имени Я. Райниса работаю по контракту. И если у меня появится возможность играть где-то в другом коллективе, то я, конечно, отдам свое место кому-нибудь другому, поскольку я очень мало занята в репертуаре. Мне просто совесть не позволяет оставаться в труппе, когда у меня так мало работы.

— Вия Фрицевна, увидит ли вас в ближайшем будущем московский зритель!

— Сейчас я как раз об этом думаю. Возможно, нам удастся весной показать в Москве «Опасные связи». Есть и другие планы. Дай Бог, чтобы все это осуществилось.

Беседу вела
Ирина АЛПАТОВА.

● Вия Артмане в зале Центрального дома актера.

Фото Н. Самойлова.